

Европа в ловушке поляризации

Сторонники ЕС отдадут стратегическое преимущество Сальвини и Орбану

[Нильс Майер-Олендорф](#) | 18.12.2018

Макрон против Сальвини – «мы» и «они»

Столь тесных связей, как сейчас, в Европе не было никогда. Системы национальной экономики государств – членов ЕС практически неотделимы друг от друга. Из-за общего внутреннего рынка цепочки поставок или отношения на рынке труда между европейскими странами часто являются настолько же тесными, как и внутри этих стран. При этом не играет роли, где находится ваш деловой партнер – в Нидерландах или Нижней Саксонии. Миллионы граждан ЕС проводят свой отпуск или ездят на работу в другую страну – член ЕС. Сотни тысяч студентов ежегодно обучаются в Европе за пределами страны своего проживания.

Европа пронизана тесными связями не только на уровне повседневной жизни. Страны ЕС тесно сотрудничают почти по всем направлениям политики. Например, в сфере климатической и энергетической политики: в 2017 и 2018 году ЕС реализовал радикальную реформу в сфере торговли квотами на вредные выбросы. В частности, была пересмотрена Директива ЕС по возобновляемой энергии и энергосбережению. ЕС ратифицировал Парижское соглашение по климату в рекордно короткие сроки. Еще один пример – регулирование финансового рынка: после финансового кризиса ЕС пересмотрел свод правил и норм по регулированию финансового рынка и создал органы надзора, снабдив их широкими полномочиями. В повестке дня Совета ЕС и Европейского парламента неизменно присутствуют вопросы законодательного характера, переговоры по которым идут согласно принятому всеми порядку. В отличие от бытующего представления Совет ЕС как правило принимает свои решения консенсусом, мнение государств – членов ЕС редко удается преодолеть большинством голосов. Все это происходит почти незаметно, так как стало обыденным явлением.

И все же в политической дискуссии преобладает другая картина: ЕС, разделившийся на несколько лагерей. Эти лагеря в соответствии с расхожими представлениями противостоят друг другу в качестве непримиримых антагонистов: прогрессисты против популистов, федералисты против националистов, Макрон против Сальвини. И правые, и левые в равной степени сами культивируют этот антагонизм. Сальвини считает себя освободителем Европы от брюссельской бюрократии. После падения Берлинской стены он хочет добиться и крушения Брюссельского вала. Орбан видит в себе защитника Европы и христианства от поползновений либеральной и лишенной идентичности элиты, а также ее послушного инструмента – ЕС. На левом фланге Ди Майо обвиняет ЕС в рыночном терроризме. Но такой антагонизм поддерживается не только правыми и левыми, а время от времени и центристами: Макрону нравится фигурировать в качестве главного оппонента Сальвини и Орбана.

Макрон и все, кто подыгрывает антагонизму, попадают в ловушку – они ведут дискуссию на территории политического противника

Сосредоточение внимания на существующих противоположностях часто оправдано. Авторитарные убеждения Орбана и Сальвини несовместимы с базовыми ценностями ЕС. Так называемая кампания «Стоп Сорос!» и законодательство венгерского правительства диаметрально противоположны базовым правилам ЕС, равно как и высказывания Сальвини в адрес итальянской юстиции. Заявления правительств Венгрии или Польши об игнорировании решений Суда европейских сообществ по вопросам политики в отношении беженцев или судебной реформы – это атака на устои ЕС. В политике по вопросам беженцев существуют глубокие противоречия. Полемика вокруг государственного бюджета Италии продемонстрировала и раскол в политической полемике на уровне ЕС, обусловленный проблемой евро.

Однако концентрация внимания на противоречиях может усилить интерес со стороны общественности к ЕС, мобилизовать избирателей и повысить их активность на предстоящих выборах в Европейский парламент. Создает она и проблемы для ЕС, причем по трем причинам.

Во-первых, привлечение всеобщего внимания к противоречиям дает возможность противникам ЕС вести игру на своем поле. Сальвини и Орбан производят сильное впечатление на многих избирателей, когда прибегают к резкой риторике, пронизанной эмоциями. «Мы», а не «они». Народ, а не элиты. Европа наций, а не Объединенные Штаты Европы. Эти противопоставления являются питательной средой Орбана и Сальвини. Они фигурируют в заголовках прессы. По этой причине оба делают ставку на эскалацию, провокации и поляризацию, например, в споре о государственном бюджете Италии или в вопросе о политике по отношению к беженцам. Обсуждение сложных конкретных вопросов, не предполагающих острого противостояния, для обоих скорее игра на чужом поле. Макрон и все, кто разыгрывает карту противостояния, попадают таким образом в ловушку – они ведут бои на территории политического противника.

Во-вторых, обострение внимания на противоречиях подчеркивает различия и затеняет общие черты повседневной жизни в Европе. Тем самым почти теряются из виду сильные стороны ЕС: решение практических проблем, которое может завершиться успехом лишь в случае совместных усилий и для которого необходимо сотрудничество на уровне институций; поиск компромиссов в спокойной обстановке и совместная работа над конкретными вопросами в течение длительных периодов времени.

В-третьих, заострение внимания на противоречиях внушает мысль о том, что ЕС является либеральным по своей сути замыслом. Отчасти это верно, в частности, если речь об экономической политике ЕС. Но если брать полемику в ее абсолютном измерении, то это все же не так. Даже экономическая политика в ЕС не является исключительно либеральной по своему характеру. Она содержит множество норм и правил из сферы экологической, социальной политики, а также политики в сфере трудовых отношений, которые не имеют ничего общего с либеральной экономической теорией и свободной игрой рыночных сил. В тех сферах политики, которые особенно важны в дискуссии о преимуществах либерального подхода в сравнении с нелиберальным, например, в вопросе об абортах или однополых браках, ЕС почти лишен каких бы то ни было полномочий. Иными словами, ЕС предоставляет достаточно свободы для либеральной, консервативной или социал-демократической политики. Он не является либеральным проектом. Такой нейтралитет важен для легитимности ЕС. Таким образом, проповедники антагонизма раскрывают ложное представление о ЕС как порождении либеральной фантазии.

Поэтому для ЕС и сотрудничества в Европе важно улучшить качество полемики или же ее формата относительно ЕС и его будущего. Лучше вести ее конкретно и с ориентацией на суть дела, нежели в абстрактном и идеологическом ключе. Вместо противоречий и высоких понятий полемика о будущем ЕС должна вестись в рамках постановки практических вопросов: могут ли государства в одиночку справиться с международной преступностью? В состоянии ли они своими силами остановить изменения климата? Как государствам – членам ЕС обеспечить возможность участия в принятии решений, определяющих дальнейшее развитие мира, чтобы не оказаться вне этого процесса? Как относится ЕС к нападкам на судебную систему и средства массовой информации в государствах, которые входят в его состав?

Практические вопросы в отличие от антагонизмов типа «мы», а не «они» или «Европа наций, а не Объединенные Штаты Европы» ведут к утвердительному ответу, если речь заходит о ЕС. Ни одно государство не может самостоятельно справиться с проблемой изменения климата или трансграничной преступности. В отличие от США или Китая ни одно государство – член ЕС не в состоянии формировать международную политику. Это можно делать лишь сообща – в составе институций ЕС. А сотрудничество в них в свою очередь успешно работает лишь при условии демократической легитимности всех национальных правительств, что является одновременно и предпосылкой демократической легитимности всего европейского законодательства. Таким образом практические вопросы являются лучшей основой для конструктивной полемики о будущем ЕС, его сильных и слабых сторонах. Они предоставляют ЕС право игры на своем поле.